

(25). Это заявление было многократно растиражировано на Камчатке и вызвало отклики из других мест. В течение месяца после появления этого заявления поступило еще 8 подобных от жителей соседних сел (26).

Но несмотря на все эти мероприятия Камчатское окружное бюро ВКП(б), анализируя проведение атеистической работы в 1930 г., констатировало: «Антирелигиозная работа в Округе развернута слабо... существующие ячейки безбожников массовую воспитательную антирелигиозную работу как внутри ячеек так и среди населения ведут слабо, систематическая плановая антирелигиозная работа не велась, если и проводилась, так в период антирелигиозных кампаний (пасхальной и рождественской)» (27).

В период с 1929 по 1939 г. государство переходит к решительным мерам, ставя своей приоритетной целью уничтожение религиозных организаций как субъекта государственных правоотношений.

Изменение вероисповедной политики меняет статус религиозных организаций, они оказываются вне закона и вынуждены вести свою пропаганду на полулегальном или вовсе нелегальном положении. По отношению к верующим стали применяться репрессивные меры, которые значительно подорвали эффективность религиозной пропаганды в крае.

1. Бухарин Н. Реконструкционный период и борьба с религией. М. : Безбожник, 1929. С. 78.
2. Харисова Л. А. Религиозная культура в содержании образования. М. : Просвещение, 2002. С. 85.
3. Уголовный кодекс РСФСР. М. : Госюриздат, 1952. С. 54.
4. Вестник Приморского губернского отдела народного образования. С. 5.
5. ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 17. Л. 229.
6. Там же. Оп. 6. Д. 143. Л. 77.
7. Там же. Л. 16–16об.
8. Там же. Л. 150.
9. Сказка о воеводе-крестоносце // Полярная звезда. 1923. № 14, 16, 17, 18, 20.
10. Караул // Полярная звезда. 1923. № 13. С. 4.
11. Умиращая религия // Полярная звезда. 1923. № 12. С. 4.
12. Небожитель // Полярная звезда. 1923. № 121–129.
13. Сесицкая А. С. Создание негативного образа священнослужителя на страницах камчатской прессы // Человек в истории. Петропавловск-Камчатский : КГПУ, 2004. С. 80.
14. Время не ждет // Полярная звезда. 1923. № 55. С. 4.
15. ГАКК. Ф. П-53. Оп. 1. Д. 40. Л. 88.
16. Там же. Л. 76.
17. Комсомольская пасха // Безбожник. 1924. № 11 (64). С. 2.
18. ГАКК. Ф. П-53. Оп. 1. Д. 40. Л. 76.
19. Там же.
20. Там же. Л. 83.
21. Там же. Д. 23. Л. 28.
22. Там же. Л. 29–30.
23. Там же. Д. 40. Л. 76–77.
24. Там же. Л. 83.
25. Там же. Ф. Р-25. Оп. 5. Д. 15. Л. 14.
26. Там же. Д. 8. Л. 11.
27. Там же. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 182. Л. 351.

Т. С. Фёдорова Г. И. НЕВЕЛЬСКОЙ И АМУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

5 декабря 2013 г. по новому стилю исполнилось 200 лет со дня рождения Геннадия Ивановича Невельского. Он относится к плеяде мореплавателей и первооткрывателей, чьи заслуги велики и неоспоримы.

Фонда Невельского в архиве нет, документы по теме отложились в нескольких фондах, особенно интересны личные фонды участников экспедиции П. В. Казакевича и А. И. Петрова. Собранная А. И. Петровым переписка генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва с Г. И. Не-

невельским существенно обогащает имеющийся состав документов. О Невельском и его заслугах написаны книги и статьи, но документального издания, ему посвященного, до сих пор не существует, за исключением небольшого числа документов за 1852–1855 гг., опубликованных в качестве приложения в книге А. И. Петрова «Амурский щит» (Хабаровск, 1974). Несколько документов включены в сборник «Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера» (М., 2010). В 1957 г. в архиве готовился сборник документов о Невельском, но издан не был.

Г. И. Невельскому выпала счастливая судьба. По окончании Морского кадетского корпуса в 1832 г. он по рекомендации И. Ф. Крузенштерна был зачислен в Офицерский класс. В 1833–1846 гг. проходил морскую практику на эскадре под командованием вице-адмирала Ф. П. Литке вместе с генерал-адмиралом в. кн. Константином Николаевичем, в 1839 г. был на Кронштадтском рейде под флагом начальника Главного морского штаба е. и. в. князя А. С. Меншикова. Плавал в Балтийском, Немецком, Белом морях, совершил переход из Архангельска в Кронштадт в 1845–1846 гг., посетил Англию и Данию, побывал в портах Испании, Италии, Франции, Алжире, Гибралтаре и др.

Тесное общение с Ф. П. Литке, с в. кн. Константином Николаевичем, знакомство с Меншиковым несомненно помогли Невельскому в дальнейшем совершить переход на Камчатку и найти пролив между Азиатским материком и Сахалином, что не смогли сделать ни Лаперуз, ни Броутон, ни Крузенштерн, ни А. М. Гаврилов в 1846 г.

14 января 1848 г. Невельской по его просьбе с помощью Ф. П. Литке был назначен командиром транспорта «Байкал», отправлявшегося на Камчатку. Интереснейшие подробности постройки транспорта, его снаряжения и начале плавания описаны Невельским в письме члену Морского учёного комитета Б. А. Глазенапу от 1 октября 1848 г. Уже в это время проявились такие черты его характера, как целеустремлённость, упорство, воля, самоотверженность, решительность, а в необходимых случаях – терпение.

Транспорт был построен для Охотского порта в Гельсингфорсе. По совету опытных мореплавателей М. П. Лазарева, Э. Э. Шанца, Л. Л. Гейдена, С. И. Мофета Невельской внёс изменения в конструкцию судна, добился, чтобы транспорт был готов раньше намеченного срока и мог прибыть на Камчатку в мае 1849 г., дабы иметь всё лето для исследования Амура. Наиболее сложным оказалось размещение груза, который нужно было доставить на Камчатку. «Для этого, – писал Невельской Глазенапу, – нужно было определить пространство в кубической мере, где только можно расположить груз, вычислить его элементы и определить центры судна, где разместить груз, чтобы не повредить его качествам...», но благодаря настойчивости и терпению Невельского все проблемы были успешно решены. «Четыре дня я возился с этими образцовыми тюками: 1 000 затруднений, 1 000 препятствий, – продолжал Геннадий Иванович, – но, наконец, нашли и прессы, нашли и хорошие рогажи, и лубок, и верёвки. В итоге все материалы заняли места ровно в 1/3 менее и были уложены так, что никак не могли ни перетереться, ни испортиться. Укладывали, можно сказать по лекалу, а чтобы не ошибиться в дифференте, я прежде составил линию дифферента судна и по ней определил, сколько именно куда положить груза, чтобы судно по нагрузке имело настоящий дифферент» (1).

16 июля 1848 г. «Байкал» пришёл в Кронштадт. 19 августа его посетил князь Меншиков «и как отец родной, благословил меня на предстоящую кампанию. Я никогда не забуду внимательности его светлости во всё время приготовления моего. Здесь узнал вполне цену этого почтенного и доброго нашего начальника» (2), – делился Невельской своими впечатлениями с Глазенапом. Не менее эмоционально Геннадий Иванович описал и прощание с в. кн. Константином Николаевичем, которому он представлялся 15 августа. 21 августа 1848 г. «Байкал» снялся с якоря и отправился в историческое плавание.

Официально нужно было закончить описание недавно открытой Сегненской губы в заливе Константина в южной части Охотского моря, осмотреть Тугурскую губу и юго-западный берег Охотского моря, но у Невельского были другие соображения. Пока шла подготовка транспорта к плаванию, он несколько раз общался с Н. Н. Муравьёвым и А. С. Меншиковым. Муравьёв поддержал предложение Невельского об исследовании Амурского лимана и устья Амура. 9 июня он направил отношение Меншикову и несколько тайно просил разрешения после разгрузки «Байкала» в Петропавловске «употребить его со всем экипажем для описания берегов по моему усмотрению и инструкции, которая в таком случае будет мною выслана в Петропавловский порт» (3).

16 августа 1848 г. последовала инструкция Морского министерства, в которой повторялась официальная версия плавания Невельского, но далее говорилось, что подробные инструкции он получит в Петропавловске от Муравьёва, в распоряжение которого передавалось судно (4). Н. Н. Муравьёв подготовил инструкцию и, обосновав историческую необходимость обследования Амура,

отметил, что «из берегов Охотского моря наиболее необходимо подробное описание: 1) северной части острова Сахалина с восточной и западной его стороны; 2) пролива, отделяющего этот остров от материка; 3) лимана и устья реки Амур и 4) Сегненской губы... получившей название залива в. кн. Константина» (5). Муравьёв верил, что пролив существует, и впервые назвал Сахалин островом. Инструкцию, утвержденную императором, Невельской должен был получить в Петропавловске, а ему была вручена копия.

В то время существовало мнение, что Амур не имеет выхода в море и теряется в песках. Кроме того, часть Амура по Нерчинскому договору не была разграничена между Россией и Китаем, и оба берега считались китайскими. 29 января 1849 г. состоялось заседание специально созданного Особого комитета по делу об Амуре и гиляках под председательством канцлера К. В. Нессельроде, основного противника исследования Амура. Комитет нашёл, что «главное и существенное для нас дело есть предупреждение всяких покушений иностранцев к занятию местности близ Амура, поэтому нужно обратить преимущественное внимание на установление отношений с гиляками, чьи земли прилегают к самому Амуру», а также исследовать местность Амура, чтобы «избрать там удобный пункт для занятия». Установление сношений с гиляками было предоставлено Российско-Американской компании. «Действия в этом случае чрез Компанию признаются тем более удобными, что чрез это устраняется явное участие правительства в сём деле, и все может быть учинено без шума и лишних толков» (6). Невельскому было поручено найти место, удобное к заселению и укреплению, но так, чтобы не подать повод к столкновениям с Китаем, которых нужно было стараться избегать. Предположение об осмотре земель вдоль границы с Китаем от реки Горбицы до Охотского моря и рекогносцировку Амура предлагалось отложить, «как могущую встревожить китайцев и подать повод к неприятным с ними объяснениям» (7).

В предписании Невельскому от 1 марта 1849 г. Меншиков повторил решение Комитета, однако отметил, что предписание поспешно отправляется к Муравьёву, «который... сочтёт, может быть, нужным снабдить вас дополнительным по сему же предмету наставлением» (8).

13 мая 1849 г. «Байкал» благополучно прибыл в Петропавловский порт, но ожидаемой утверждённой императором инструкции Невельской не получил, так как курьера штабс-капитана М. С. Корсакова, двоюродного брата Н. Н. Муравьёва, в Аяне задержали льды. Не имея официального разрешения, Невельской всё же решился идти на Амур. С 12 июня по 28 августа 1849 г. команда «Байкала» в сложных условиях на шлюпках промерила фарватер и смогла найти судоходный пролив между материком и Сахалином и с севера на юг, и с юга на север. В рапорте Меншикову от 2 сентября 1849 г. Невельской писал: «Итак, эта величественная река Амур, полстолетия от просвещённого мира по обширному плану действий с юга знаменитыми мореплавателями Лаперузом и Бротонем, с севера Крузенштерном положительно запертый, ныне открыт, имея на флангах своих капитальные гавани для флотов на юге гавань Де-Кастри, на севере гавань Николая... таким образом, с твёрдой волею и упованием на Господа, с ничтожными нашими средствами по обширному плану действий и краткости времени, поистине не щадя жизни своей, несколько раз на волоске висевшей, преодолев все затруднения, исполнили, что предписано» (9). Открытие пролива окончательно доказало, что Сахалин остров. 1 сентября 1849 г. «Байкал» пришёл в Аян, где получил все депеши, но была ли там инструкция, утверждённая императором, и какой был её текст, остаётся неизвестным, в архивах она пока не найдена, в книге Невельского инструкция изложена по версии автора.

Высоко оценив заслуги экипажа транспорта, Н. Н. Муравьёв писал Меншикову 26 сентября: «...мне много случалось ходить на судах военного флота и видеть много смелых и дельных офицеров, но Невельской превзошёл все мои сравнения» (10). Через два дня он вновь отмечал: «...Невельской превзошёл все наши ожидания и исполнил данные ему инструкции с тою полнотою и самоотвержением, которые только можно ожидать от глубокой, беспредельной преданности престолу и отечеству и истинно русского смысла. Сделанные Невельским открытия неопценимы для России» (11). 28 января 1850 г. Невельской и офицеры «Байкала» через Сибирь возвратились в Петербург, но ещё 1 января, отмечая стоящие теперь перед Россией новые задачи, Муравьёв писал Меншикову: «...я обязываюсь прежде всего покорнейше просить вашу светлость возвратить в распоряжение моё г-на Невельского. При всех его других достоинствах, как опытный морской офицер, он мне будет совершенно необходим при всех предстоящих преобразованиях в Охотском море» (12). 8 февраля 1850 г. высочайшим приказом Невельской был переведён в Охотскую флотилию с производством в капитаны 1-го ранга и назначен состоять при генерал-губернаторе Восточной Сибири до исполнения особого возложенного высочайшего повеления...» (13).

21 июня 1850 г. он прибыл в зал. Счастья, где его встретил агент РАК прапорщик Д. И. Ор-

лов, направленный туда для торговли с гиляками. 29 июня Невельской и Орлов в зал. Счастья (в северной части Амура) основали первое русское селение и во имя Петра Великого назвали его зимовье Петровское (14), которое надолго стало штаб-квартирой Невельского. 1 августа на м. Когда был основан Николаевский пост.

В начале декабря Невельской снова был в Петербурге, где продолжались дебаты по поводу дальнейших путей освоения Приамурья. Не все члены Особого комитета верили в открытие Невельского и, опасаясь осложнений с Китаем, требовали ликвидировать Николаевский пост, никаких мест больше не занимать, отправить лист в пекинский Трибунал, чтобы договориться с Китаем об обеспечении устьев Амура от покушений иностранцев. Военный министр граф А. И. Чернышев требовал сурово наказать Невельского за самовольные действия на Амуре вплоть до разжалования в матросы.

7 февраля 1851 г. состоялось очередное заседание Особого комитета, на котором было объявлено повеление императора: Николаевский пост оставить в виде лавки РАК, продолжать торговлю с туземцами через РАК, послать лист в Пекин и др. (15). 11 февраля ГП РАК получило информацию о заседании Особого комитета и резолюции императора. По версии Невельского, Особый комитет заседал снова 12 февраля и принял решение, один из пунктов которого гласил: действующую на Амуре экспедицию назвать Амурской, начальником её во всех отношениях назначить Невельского (16). Однако документально это не подтверждается.

В июле 1851 г. Невельской вернулся в Петровское зимовье, на сей раз с женой Екатериной Ивановной. С приездом Невельского начался новый этап в освоении Приамурья. К тому времени в составе экспедиции уже были морские офицеры Н. М. Чихачёв, Н. К. Бошняк, П. В. Казакевич, топограф П. Попов, штурман А. И. Воронин, приказчик РАК А. П. Березин, горный мастер И. Блинные. Все они отправлялись в командировки для изучения Сахалина, Амура и рек, в него впадающих, озёр и лесов в поисках мест, удобных для зимовки судов и основания селений, проводили глазомерную и инструментальную съёмки. Командировки длились по несколько месяцев и были тяжёлым испытанием для участников экспедиции. Производились они под видом торговли, что давало возможность сблизиться с туземцами, преимущественно гиляками и маньчжурами, узнать их отношение к русским. Местные жители благожелательно встречали русских, снабжали их сведениями о крае и приходе иностранных судов, помогали в случае необходимости. 1852 г. был самым успешным для изучения Приамурского и Приуссурийского краёв.

Невельской также постоянно находился в разъездах, но его деятельность осложнялась напряженными отношениями с РАК и В. С. Завойко, которым он должен был подчиняться. Больно задело его обвинение Компании в гибели барка «Шелехов», на котором основной состав экспедиции шел в Петровское, и в том числе Невельской. Немного не дойдя до зимовья, 18 июля 1851 г. в сильном тумане барк затонул, ударившись о подводные камни. Хотя все пассажиры, экипаж и груз были спасены, Главное правление РАК обвинило в гибели судна Невельского. В очень эмоциональном и бурном письме П. В. Казакевичу 16 мая 1852 г. Геннадий Иванович писал: «Как можно Компании допустить такую подлость! И прошу вас сказать ради мундира нашего общеморского, ради чести моряка! Что если Компания осмелится оскорбить меня, то я умоляю немедленно назначить строжайшее следствие, я потащу её к Иисусу, эту распроклятую! Я всё писал Николаю Николаевичу до какой степени она хочет скверно вести дела, мазать экспедицию» (17). «Ради Бога, любезный Геннадий Иванович, – увещевал его Муравьёв, – не метайтесь в чужие дела, право, у нас довольно своих» (18). В том же письме Казакевичу Невельской жаловался, что Главное правление РАК называет экспедицию Невельского экспедицией Орлова, а самого Орлова – начальником экспедиции. «Не Орлова, а просто особая экспедиция» (19), – подчёркивал Невельской. Успокаивая его, Муравьёв пишет: «Прошу верить, что всё возможное с моей стороны делается для лучшего устройства и успешнейшего распространения вверенной вам особой экспедиции и никто и нигде не считает её экспедицией Орлова» (20). В том же письме Казакевичу ещё много весьма резких высказываний Невельского в адрес РАК и председателя Главного правления В. Г. Политковского, злая критика, характеризующая деятельность РАК и ГП с новой стороны.

19 октября 1852 г. Невельской представил Муравьёву отчет об итогах работы и планах занятия зал. Де-Кастри и сел. Кизи во избежание захвата этих мест иностранцами. Это вызвало резкий протест со стороны Министерства иностранных дел, полагавшего, что «приведение в исполнение новых предположений капитана Невельского было бы явным нарушением мирных и дружественных с Китаем связей... занятие нами сего пункта, как равно и селения Кизи... не может быть признано иначе как насильственным завладением чужой собственностью» (21). «Мы более и более убеждаемся, что китайцы не имеют никакого права на оба берега Амура при устье оно, но Бог знает, так ли они это понимают» (22), – возражал Муравьёв.

В 1853 г. ГП РАК, обеспокоенное снаряжением американцами двух экспедиций к берегам Японии, просило «распространить» заселения, как на Амуре, и на Сахалин, занять первоначально два пункта и устроить два редута. Для исполнения этого плана предлагалось использовать команду Невельского «с предоставлением этого дела распоряжением РАК» (23). 15 апреля 1853 г. Муравьев предписал Невельскому занять остров. Это было осуществлено в сентябре 1853 г., на Сахалине был основан Муравьевский пост (24), но 12 июня 1854 г. он был снят Е. В. Путятиным.

В конце 1853 г. на Амуре приступили к подготовке края к обороне в связи с военной опасностью. 6 января 1854 г. в Николаевском poste был получен приказ Невельского о переходе экспедиции в подчинение правительству, подъёме военных флагов на всех постах и сдаче флагов РАК в пакагузы (25). Невельской, наконец, освобождался от зависимости РАК. В августе 1854 г. англо-французская эскадра бомбардировала Петропавловск. Защитникам города под руководством В. С. Завойко удалось отразить нападение, но оно могло повториться, поэтому решено было весь флот вывести на Амур. 5 мая 1855 г. суда Камчатской флотилии с гарнизоном и семьями военнослужащих прибыли в залив Де-Кастри. По настоянию Невельского все суда были введены в устье Амура и Амурский лиман, благодаря чему флот был спасён. Неприятельская эскадра приходила в Аян, в Петропавловск, обстреляла Де-Кастри, но русскую эскадру не нашла. И на этот раз Невельской оказался прав.

Отмечая важность для России Амурского края, он писал в своей книге «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855»: «...Только здесь Россия может иметь надлежащий оплот и важное политическое значение на отдалённом своём Востоке. Эти факты составляют честь всего нашего флота, ибо питомцы его вынесли всё это единственно на своих плечах, несмотря на полное несоответствие данных им инструкций и полное ничтожество средств. Их воодушевляли гражданская доблесть и мужество, и они твердо шли к цели, с полным сознанием, что именно эта цель приведёт к утверждению навсегда края за Россией» (26).

Перед Россией на Амуре теперь стояли другие задачи: освоение и заселение края, урегулирование с Китаем пограничных вопросов, организация сплавов по Амуру от Нерчинска до Охотского моря. Надо отдать должное Н. Н. Муравьеву, он сыграл очень важную роль в реализации планов Невельского. С самого начала он поддерживал Геннадия Ивановича, помогал ему добиться осуществления его планов. Муравьев высоко ценил Невельского, и первые годы их связывали неформальные отношения. Письма Муравьева заканчивались словами уважения и сердечности. 2 марта 1851 г. читаем: «...Обнимаю вас от всего сердца, жена усердно вам кланяется и оба мы желаем от всей души во всём успеху и здоровью» (27). 25 октября 1852 г.: «...затем мне остаётся только обнять вас от всего сердца, любезнейший Геннадий Иванович, и поздравляю с именинами супруги и дочери, которые, надеюсь, проведёте приятно, позвольте пожелать вам от всей души здоровья и спокойствия... Истинно вас любящий и уважающий Н. Муравьев» (28). Таких примеров можно привести много.

Между тем, обстановка на Амуре менялась, изменилось и отношение Муравьева к Невельскому, который выполнил свою задачу. Сказались и разногласия, возникшие между ними по поводу переноса Охотского порта на Камчатку, обороны Амура и другим вопросам. 15 февраля 1855 г. Муравьев поделился своими соображениями с М. С. Корсаковым, своим двоюродным братом: «Для успокоения Невельского я полагаю назначить его при себе исполняющим должность начальника штаба, Завойку начальником всех морских сил, а тебя всех сухопутных... Таким образом, Невельской с громким названием не будет никому мешать и докончит своё там поприще почётно» (29). 16 марта он сообщил о своих планах реорганизации управления войсками и морскими силами на Амуре генерал-адмиралу в. кн. Константину Николаевичу: «...упразднится отдельное управление войсками на юго-восточных берегах Сибири и прекратятся особые преимущества, на время им дарованные, а контр-адмирал Невельской будет во время моего там пребывания исправлять должность начальника штаба, а потом со мною возвратится в Иркутск» (30). 27 мая 1855 г. соответствующий приказ был подписан, автоматически прекращалась и деятельность экспедиции Невельского, хотя в самом приказе об этом не говорится ни слова. По версии Невельского приказ от 27 мая касался только Амурской экспедиции (31), что не соответствует подлиннику.

Приказ об организации Амурской экспедиции не издавался, в документе от 27 мая 1855 г. не говорилось и о её ликвидации, официального статуса у экспедиции не было. До 1853 г. название Амурская экспедиция вообще не употреблялось, её называли: «эта экспедиция, ваша экспедиция, вверенная вам особая экспедиция», сам Невельской писал: «просто особая экспедиция», все эти годы он оставался состоящим по особым поручениям при Муравьеве, нет ни одной его подписи как начальника Амурской экспедиции. В ноябре 1851 г. он предлагал реорганизовать экспедицию и представлял проект штата, где была указана должность начальника экспедиции, но этот документ

был отклонён. Название Амурская экспедиция появилось в Записке ГП РАК от 22 марта 1853 г., которое просило об организации Сахалинской экспедиции для занятия острова по аналогии с действиями экспедиции Невельского на Амуре (32).

Покидая Амур, уже из Аяна 18 ноября 1855 г. Муравьёв писал Константину Николаевичу: «Невельской здесь теперь не нужен, ни на Амуре, ни в Иркутске. Я принял смелость представить об отчислении его: он выслужил узаконенные сроки и контр-адмирал, заслуги его вознаграждены, а если будет милость вашего высочества дать ему покойное место, то он отдохнёт и оправится от многолетнего своего пребывания на Амуре» (33).

Бросив своего начальника штаба, Муравьёв уехал, а Невельской с семьёй до лета 1856 г. оставался в Мариинском poste как частное лицо. 10 декабря 1856 г. он был зачислен в резерв флота. Подписав Айгунский трактат в 1858 г., Н. Н. Муравьёв стал графом Муравьёвым-Амурским, а Невельскому 19 сентября 1857 г. нашли покойное место в Морском учёном комитете (с 1866 г. – Учёное отделение МТК), где он работал до конца жизни 17 апреля 1876 г. В 1864 г. он был произведён в вице-адмиралы, в 1874 г. стал адмиралом. Много лет Геннадий Иванович работал над книгой «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855», но увидеть её издание не успел. Она была издана его вдовой в 1878 г. и с тех пор выдержала 10 изданий.

1. РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.
2. Там же. Л. 22.
3. Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 2205. Л. 39об.
4. Там же. Л. 45.
5. Там же. Д. 149. Л. 67.
6. Там же. Л. 5.
7. Там же. Л. 8об.
8. Там же. Л. 50.
9. Там же. Ф. 19. Оп. 4. Д. 16. Л. 12об.
10. Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 170. Л. 3.
11. Там же. Л. 1об.
12. Там же. Л. 15.
13. Там же. Ф. 406. Оп. 3. Д. 463. Л. 520–521.
14. Там же. Ф. 224. Оп. 1. Д. 376. Л. 2.
15. Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 206. Л. 20–21.
16. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855. М., 1947. С. 124–125.
17. РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.
18. Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 15.
19. Там же. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.
20. Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 14.
21. Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 206. Л. 183–184.
22. Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 22об.
23. АВПРИ. Ф. РАК. Д. 391. Л. 3.
24. РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 82.
25. Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–3.
26. *Невельской Г. И.* Подвиги... М., 1947. С. 329.
27. РГА ВМФ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 38об.
28. Там же. Л. 24.
29. *Алексеев А. И.* Геннадий Иванович Невельской. М., 1984. С. 157.
30. РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 190.
31. *Невельской Г. И.* Подвиги... М., 1947. С. 322–323.
32. АВПРИ. Ф. РАК. Д. 391. Л. 36об.
33. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 46.